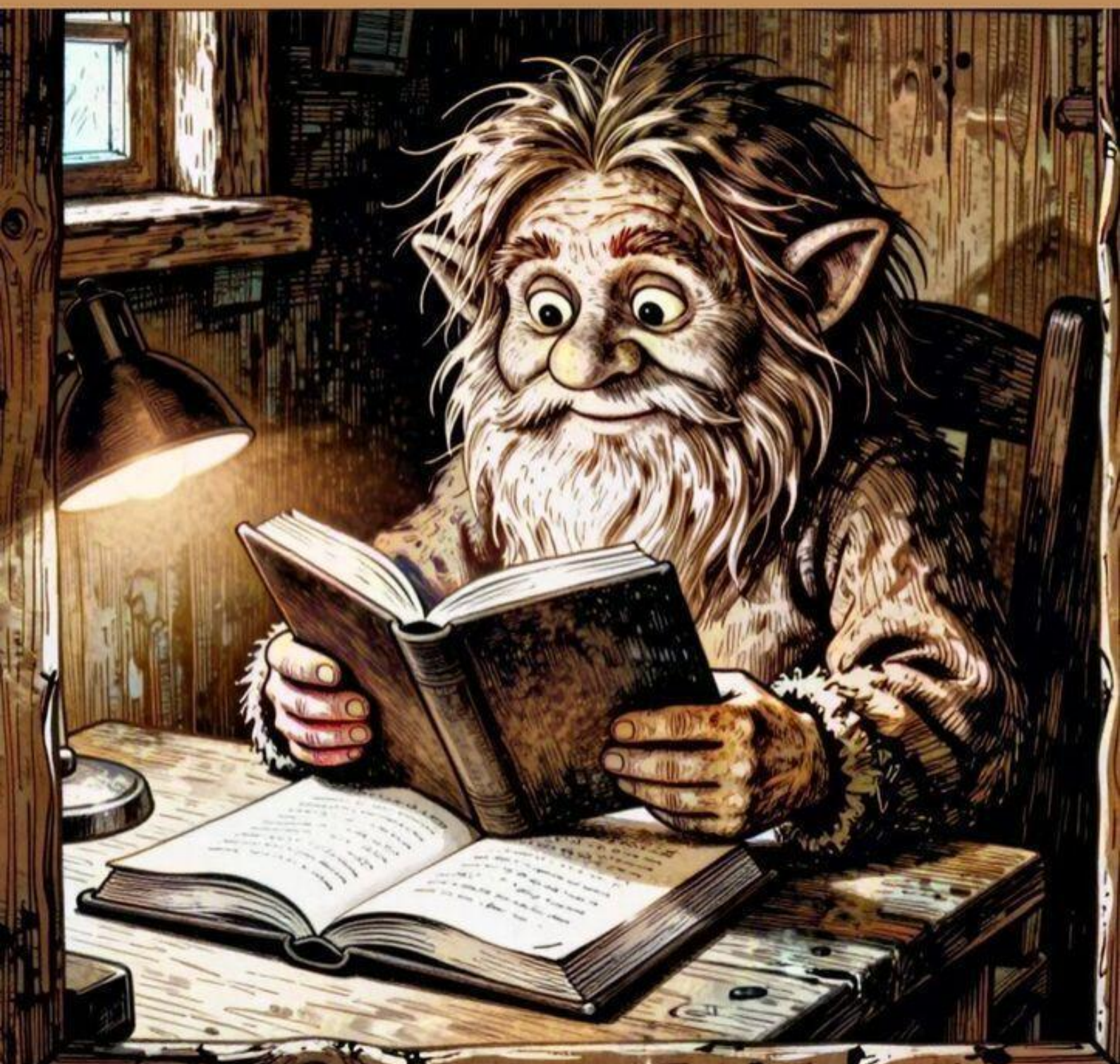


12+

Татьяна Витальевна Ковригина
Деревенские сказки

Сказки о домовых, банниках и других хранителях



Татьяна Ковригина

**Деревенские сказки. Сказки
о домовых, банниках
и других хранителях**

«Издательские решения»

Ковригина Т. В.

Деревенские сказки. Сказки о домовых, банниках и других хранителях / Т. В. Ковригина — «Издательские решения»,

Старый бревенчатый дом с русской печью стоял пустым, пока однажды в него не въехал Григорий. Он не знал, что в каждом доме живёт домовой, в каждой бане — банник, в каждом пруду — прудник, а у каждой межи — строгий чур. Но когда вещи начали пропадать, а дела — не ладиться, Григорию пришлось научиться договариваться с невидимыми соседями. Так началась дружба, которая превратила забытую деревню Заречье в цветущий край, куда стали возвращаться люди.

Содержание

Пирожочек	6
Банник и непрошенный веник	10
Подпольник	12
Коряга	14
Тот кто в колодце живет	17
Хозяин двора	20
Шишок и пустая корзинка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Деревенские сказки Сказки о домовых, банниках и других хранителях

Татьяна Витальевна Ковригина

© Татьяна Витальевна Ковригина, 2026

ISBN 978-5-0069-9108-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пирожочек

Стоял в одной далёкой деревне старый дом. Бревенчатый, крепкий, с резными наличниками и огромной русской печью, которая дышала теплом даже в самый лютый мороз. Раньше в этом доме жили дедушка с бабушкой. А по весне и зиме к ним приезжали внуки — шумные, весёлые, с санками и варежками, которые вечно терялись. Тогда дом звенел от смеха, пахло молоком и свежими пирожками.

Но время шло. Стариков забрали в город дети — чтобы лечить, ухаживать, не оставлять одних. Дом опустел. Внуки выросли, приезжать стало не к кому. И старый дом, вздохнув последний раз, погрузился в тишину.

Только вот не совсем.

Потому что в каждом старом доме, как известно, живёт домовый. Невидимый, но строгий хозяин. Этот домовый был небольшим, лохматым, с мягкими лапами и умными глазами, которые видели в темноте лучше всякой кошки. Звали его... а никто и не знал, как звали. Домовые имён не выдают. Но про себя он считал себя Кузьмой, потому что очень уж уважал бабушкиного деда Кузьму, который когда-то и печь эту складывал.

Больше всего на свете домовый любил бабушкины пирожки. С картошкой, с капустой, с зелёным луком и яйцом. А особенно — с грибами. Бывало, бабушка поставит противень в печь, а домовый уже сидит на заслонке, дышит ароматом и млеет. И всегда ему перепадает один горячий, румяный, с хрустящей корочкой.

Но вот бабушка уехала. Пирожков больше не было.

Домовой заскучал. А потом начал злиться. Сначала он просто прятал половики. Потом — старый дедовский фонарь. Но когда голод окончательно взял своё, он перешёл к тяжёлой артиллерии. В доме, где нет пирожков, не должно быть порядка!

Так и стоял старый дом — пустой, пыльный, но живой своей домовьей жизнью.

А однажды осенью подъехала к дому машина. Из неё вышел мужчина лет пятидесяти, коренастый, с бородой, усами и внимательным взглядом. Григорий. Фермер. Он купил дом вместе с участком, пасекой и старым садом.

— Ничего, — сказал Григорий, оглядывая покосившуюся калитку. — Оживим.



И началась в доме стройка. Григорий зашумел рубанком, застучал топором, пропах скипидаром и сухой доской. Он спал прямо на полу в спальнике, варил себе гречку без масла и пил чай вкрутую.

Домовой сначала насторожился. Потом обрадовался — живая душа! Но радость быстро прошла. Григорий не пёк пирожки. Более того — он вообще не готовил ничего съедобнее, чем тюрю из сухарей.

— Ах так? — прошептал домовый в первую же ночь.

И началось.

Утром Григорий не нашёл своих рабочих перчаток. Сунулся в сапог — а там прошлогодний лист и горсть земли. На следующий день исчезла закрутка для мёда. Потом — самая лучшая стамеска. А однажды Григорий проснулся от того, что русская печь сама собой загудела глухим басом, а дверцы её хлопали, как будто кто-то очень обиженный выходил из себя.

— Нечистая сила? — нахмурился Григорий, перекрестился и лег спать.

Он три дня ходил злой. Потом нашёл в кухонном шкафу странный клочок бумаги. Старый, в масляных пятнах, с торчащими нитками по краям. А на нём бабушкиным почерком было написано:

«Пирожки с картошкой. Тесто: мука, молоко, яйцо, дрожжи живы. Начинка: картошку сварить, лучок поджарить, перчик — обязательно. Печь в печи, чтоб дух шёл»

Григорий долго вертел бумажку в руках. Он не был дураком. Вспомнил пропавшие перчатки, хлопающую дверцу печи, уютное тепло, которое иногда разливалось по избе без всякой причины.

— А-а-а, — сказал он громко. — Понял. Соскучился по бабушкиной стряпне, старый хозяин?

В печи что-то согласно щёлкнуло.

И Григорий... научился стряпать. Первый блин вышел комом — пирожок развалился. Второй — подгорел. Третий получился кривым, но съедобным. На четвёртый раз Григорий уже не смотрел в рецепт. А на пятый — домовый сам открыл заслонку, чтобы жар лучше ложился.

И вот однажды утром Григорий положил на стол свежий пирожок, румяный, с тонкой корочкой, налил полный стакан молока и сказал:

— Угощайся, хозяин. Прости, что сразу не догадался.

В тот же день у него чудесным образом нашлись и перчатки, и закрутка, и стамеска — все лежали аккуратной стопкой на загнетке печи.



С той поры у них завелся порядок. Каждое утро Григорий оставляет на столе пирожочек и стакан молока. Домовой по ночам проверяет замки, подкидывает дровишек в печь, оберегает пчёл от мышей и даже подсказывает, когда дождь будет.

Дела у Григория пошли в гору. Хозяйство разрослось, пасека дала первый мёд, и в доме снова стало тепло и сытно. А по вечерам Григорий сидит у печи, жуёт пирожок и говорит в пустоту:

— Ну что, Кузьма? Ещё по одному?

И кто-то невидимый довольно вздыхает на лежанке.

Так и живут. Вдвоём. В старом доме, где всегда пахнет пирогами и добром.

Банник и непрошенный веник

После того как Григорий подружился с домовым Кузьмой, жизнь в старом доме наладилась. Пирожки пеклись каждое утро, молоко в стакане никогда не переводилось, и даже старые половики перестали сворачиваться по ночам.

Но в деревне, как известно, одним домом сыт не будешь. У Григория была баня. Старая, чёрная, сложенная ещё дедом Кузьмой из толстых брёвен, с низким потолком и каменкой, которая гудела, как живая. Баня топилась по субботам, и Григорий честно парился каждую неделю.

Однако последнее время что-то пошло не так.

Сначала ему показалось, что веник, который он оставлял на полке, к утру оказывается на полу, причём развёрнутым, будто кто-то им сердито махал. Потом вода в шайке стала холодной, едва он заходил в предбанник. А однажды Григорий открыл дверь и увидел, что все полки перевернуты вверх дном, а каменка вымазана золой.

— Кузьма? — спросил Григорий вечером, сидя у печи. — Это твои проделки?

Из-за трубы донеслось недовольное фырканье. Домовой показался на миг — лохматый, с торчащими ушами — и сердито затряс головой.

— Не моё, — прошелестело в ответ. — Это банник. Он у нас... с характером.

— С каким характером? — не понял Григорий.

Кузьма вздохнул, уселся на заслонку и начал рассказывать.

Оказывается, в каждой бане живёт свой дух — банник или банный дух. Не злой, но строгий. Он любит, когда пар идёт густой, когда каменка горячая, а главное, когда веник настоящий, берёзовый или дубовый, заготовленный по правилам: в середине лета, в сухую погоду, с молитвой.

А Григорий по незнанию купил в магазине веник, на нитках, с блестящей этикеткой. И принёс в баню.

— Он обиделся, — пояснил Кузьма. — Ты, говорит, веник непрошенный приволок. Чужеродный. С этикеткой! Это ж оскорбление.

— И что теперь делать? — растерялся Григорий.

— Извиняться. Истопить баню по-настоящему. И веник... — Кузьма замялся. — Веник тот сжечь при всём честном народе. То есть при мне и при нём.

В следующую субботу Григорий сделал всё, как велел домовый. Рано утром истопил баню — жарко, до треска в камнях. Налил три шайки холодной воды и одну горячей. А перед тем как зайти, положил на порог краюху ржаного хлеба с солью и кружку холодного, домашнего кваса.

— Банник-батюшка, — сказал он громко. — Прости меня, дурака. Веник тот я сожгу. А ты прими от меня угощение.

И тут же, на глазах у изумлённого Григория, краюха хлеба бесшумно провалилась сквозь порог, будто её кто-то утянул в подполье. Из-за двери бани донеслось довольное кряхтенье.



Григорий зашёл внутрь. Жар ударил в лицо, но это был правильный, родной жар. Он поддал на каменку — пар взвился белым облаком. На полке лежал настоящий берёзовый веник, которого там раньше не было. Старый, высушенный по всем правилам, пахнувший летом и лесом.

— Спасибо, — тихо сказал Григорий.

В ответ где-то под потолком весело скрипнула доска.

С тех пор Григорий бани не боялся. Каждую субботу они с банником парились в согласии. Григорий поддавал пар — банник добавлял жару. Григорий парился веником — банник следил, чтобы ни угар, ни сквозняк не залетели. А старый магазинный веник был торжественно сожжён в печи под одобрительное бормотание домового.

Иной раз соседские мужики спрашивали Григория:

— Чего это у тебя баня так хорошо топится? Дымок ровный, жар долгий.

А Григорий хитро улыбался в усы:

— Договорился, — говорил. — У каждого в бане должен быть свой дух, банный дух. Главное его уважать.

Подпольник

После того как Григорий подружился с домовым Кузьмой и банником, жизнь в старом доме потекла мирно и сытно. Пирожки пеклись каждое утро, баня топилась по субботам, и даже мыши обходили стороной амбар, потому что Кузьма строго следил за порядком.

Но был в доме одно место, куда Григорий долго не заглядывал. Погреб.

Старый, глубокий, с земляным полом и низким сводом. Ещё дед Кузьма вырыл его когда-то, когда дом только ставили. В том погребе хранились соленья, квашеная капуста, мочёные яблоки и бочонки с мёдом. Бабушка каждую осень спускалась туда с фонарём и приговаривала: «Ну, хозяин, не серчай, я ненадолго».

Григорий же погребом долго не пользовался. Банки стояли пустые, полки покосились, а в углу выросла какая-то странная плесень — не чёрная, а серебристая, будто паутина. Но однажды он решил: надо наводить порядок. Картошку в сени не складывать, нужен хороший погреб.

Взял он в субботу фонарь, спустился по скрипучим ступеням. Ступени были старые, каждая со своим голосом: одна вздыхала, другая ойкала, третья стонала, будто живая. Григорий чихнул от пыли, осветил в угол — и замер.

В дальнем углу погреба сидел кто-то маленький, сгорбленный, весь в серой шерсти, с длинными ушами и глазами-угольками. Он сидел на полупустом мешке с картошкой, а в руках держал свечу.

— Ты кто? — спросил Григорий, хотя в деревне уже знал, что в погребах живут свои хозяева.

— Подполник я, — всхлипнул маленький. — Подпольный хозяин. Только меня все забыли. Домового ты кормишь, банника задабриваешь, а про меня ни разу не вспомнил. И солений нет, и капустой не пахнет, и мочёных яблок... — он разрыдался ещё сильнее.

Григорий почесал затылок. Действительно, забыл. А что с погребного хозяина спрос? Без уважения он начнёт банки бить, соль отсыревать, картошку гноить.

— Не плачь, — сказал Григорий. — Исправлюсь. Что ты любишь?

Подполник вытер нос рукавом (серым, в заплатках) и подумал.

— Ржаной сухарь с солью. И чтобы в углу всегда стояла плошка с чистой водой. И раз в месяц — ложка мёда. И ещё... — он замялся. — Чтобы на полках порядок был. Я сам расставлю, мне можно.

— Договорились, — кивнул Григорий.

Вернувшись в избу, он наломал в миску ржаных сухарей, посыпал крупной солью, поставил у входа в погреб. Домовой Кузьма сидел на печи, хитро щурился.

— Справишься? — спросил он. — Подполник — он обидчивый. Зато если подружиться, у тебя самый лучший погреб во всей деревне будет.

— Справлюсь, — уверенно сказал Григорий. — Не первый год за столом сижу.



И действительно. Через неделю Григорий спустился в погреб — и не узнал его. Банки стояли ровными рядами, будто солдаты на параде. Полки были протёрты от пыли, а серебристая плесень исчезла. В углу аккуратно лежали три мешковины — видно, Подполник себе подстилку сделал. И пахло в погребе не затхлостью, а сушёными травами и яблоками.

На полке, где Григорий оставил сухари, лежал гостинец обратно: маленький сушёный гриб и три рябиновые ягоды, нанизанные на соломинку — бусы такие.

— Это тебе, — раздалось из угла. — От меня. Чтобы дом хранил.

Григорий взял бусы, улыбнулся и повесил их над дверью в кухне — на добрую память.

С тех пор погреб у Григория стал знаменитым на всю округу. Картошка не гнила, капуста хрустела, а банки с соленьями никогда не бились сами собой, даже если Григорий ставил их неловко. Подполник следил за порядком, а по ночам иногда напевал под нос старую-престарую песню, которую знал ещё дед Кузьма.

Соседи завидовали:

— Григорий, ты колдовство знаешь?

А Григорий усмехался:

— Нет, — говорил. — Просто со всеми своими в ладу живу. И с домовым, и с банником, и с подпольным хозяином. Каждому — уважение. И тогда любое дело спорится.

Коряга

После того как Григорий подружился с домовым, банником и Подпольником, жизнь его стала спокойной и сытной. Пирожки пеклись сами собой (почти), баня давала жар без угара, а в погребе даже самая капризная капуста хрустела как молодая.

Но был на участке Григория угол, который он обходил стороной. Старая яблонева роща за огородом. Яблони там росли кривые, старые, с корой, похожей на морщинистую кожу. А в самой глубине рощи лежала коряга. Огромная, корявая, похожая то ли на зверя, то ли на сгорбленного старика. Григорий всё хотел её выкорчевать и пустить на дрова, но всякий раз, как брался за топор, что-то его останавливало.

То топор затупится ни с того ни с сего. То рука задрожит. То солнце вдруг спрячется, и станет в роще темно, хоть глаз выколи.

— Не тронь, — сказал как-то Кузьма, сидя на печи и жуя пирожок. — Это лешего место.

— Какого лешего? — не понял Григорий. — У меня не лес, а сад. Яблони старые, но свои.

— А вот и нет, — вздохнул домовый. — Раньше здесь лес был. Сосновый, дремучий. Потом люди вырубili, сад посадили. А леший остался. Он теперь в этой коряге живёт. И не любит, когда его беспокоят.

Григорий хмыкнул. Он в леших не очень верил — слишком практичным был. Но корягу пока решил не трогать.

А тут как раз весна пришла. Григорий задумал рощу расчистить, старые яблони подрезать, а на месте коряги новую грядку разбить — под укроп и петрушку. Взял он бензопилу, надел перчатки, позвал соседа в помощь. Сосед, мужик деревенский, бывалый, как увидел, куда Григорий собрался, перекрестился и ушёл.

— Сам, — говорит. — Не пойду я туда. Там нечисто.

— Эх вы, — сказал Григорий. — Тьфу.

И пошёл один.

Утро было ясное, солнечное. Григорий подошёл к коряге, примерился. И вдруг коряга... вздохнула. Глубоко, гулко, как живое существо. Григорий отшатнулся. Из-под коряги полезли корни, длинные, мохнатые, и начали медленно обвивать его сапоги.

— Ах ты, — сказал Григорий и дёрнул ногой.

Корни сжались сильнее. А из самой коряги показалось лицо. Старое, морщинистое, с глазами зелёными, как весенняя листва. И голос, скрипучий, как сухой сук:

— Ты чего, человек, мою корягу трогаешь? Я тут двести лет сижу. Ещё при царе Горохе тут лес был. А вы всё сад, сад... Яблони ваши мне бок колют.

— Так это ж моя земля, — сказал Григорий, стараясь не показывать страха. — Я купил.

— Земля ничья, — проскрипел леший. — А коряга — моя. Уходи по-хорошему.

Григорий хотел возразить, но тут из дома прибежал Кузьма. Маленький, лохматый, взъерошенный. Встал между Григорием и лешим, топнул ногой.

— Леший, — сказал строго. — Ты зачем моего человека обижаешь? Мы с ним в ладу живём. Пирожками делится. И тебя бы угостил, если б ты не прятался.



Леший удивился. Высунулся из коряги повыше, носом повёл.

— Пирожками? — переспросил он. — С чем?

— С картошкой, — сказал Григорий, наконец догадавшись. — И с грибами. Я и тебя могу угостить. Только корягу убери, а? Мешает она.

Леший подумал. Помолчал. Потом корни свои убрал, лицо спрятал обратно в корягу, но из-под неё донеслось:

— Ладно. Корягу я закопаю. Но место моё оставь. Пусть там крапива растёт. Я крапиву люблю. И пирожок клади раз в неделю. У старой яблони, что кривее всех.

— Идёт, — сказал Григорий.

На следующее утро он отнёс под старую яблоню свежий пирожок, стакан молока и горсть сушёных грибов — лешим грибы, как выяснилось, тоже нравились. Коряги на месте не оказалось. Будто её вовсе не было. Земля была ровная, чёрная, и только один маленький пенёк торчал посредине — похожий на нос.

Григорий пенёк трогать не стал. Огородил место низким плетнём, посадил вокруг крапиву — как просили.

С тех пор леший из рощи не вылезал. Иногда по ночам, если Григорий сидел на крыльце с чаем, слышал он в роще шорох и скрип. Это леший ходил между яблонями, проверял, все ли

в порядке. Птичьих гнёзд не трогал, яблоки не воровал, а даже наоборот — по утрам Григорий находил под той самой кривой яблоней лукошко лесной земляники.

«Гостинец», — понял Григорий и улыбнулся.

И жили они теперь вчетвером: Григорий, домовый Кузьма, банник, Подпольник и леший. Дружно. Сытно. По-деревенски.

Тот кто в колодце живет

После того как Григорий подружился с лешим, дела его шли всё лучше. Пчёлы давали мёд густой и прозрачный, куры неслись даже зимой, а в огороде всё росло так буйно, что соседки качали головами: «Не иначе, заговорённое».

Но был на участке Григория один предмет, который он использовал каждый день, но ни разу не задумывался — а кому там, внутри, может быть одиноко?

Колодец.

Старый, глубокий, выложенный из бревен ещё дедом Кузьмой. Вода в нём была холодная, чистая, как слеза. Григорий каждое утро опускал ведро, набирал две бадьи — себе и скотине — и шёл по делам. И никогда не заглядывал в глубину подолгу. А зря.

Потому что в каждом старом колодце живёт водяной. Не тот, что в реке или озере — тот большой и важный. А колодезный. Скромный, тихий, но с большим сердцем. Любит он, когда вода чистая, когда ведро опускают бережно и не бьют о стенки. А ещё любит слушать, что люди говорят над колодцем. Потому что он одинок.

И вот однажды утром Григорий опустил ведро, а оно... не набралось. Пустое вытащил. Опустил ещё раз — снова пустое. Будто кто-то на дне ведро переворачивает.

— Кузьма! — позвал Григорий.

Домовой появился на срубе колодца, свесил лохматую морду вниз, прислушался.

— Водяной обиделся, — сказал он. — Ты когда последний раз его угощал?

— Чем угощать-то? — удивился Григорий. — Он же в воде живёт.

— А вот и нет. Он живёт в глубине. И любит, когда ему кидают в колодец краюху хлеба с мёдом. Или горсть гороха. Или просто доброе слово. А ты молчишь. Ведром гремишь. Даже «спасибо» не говоришь.

Григорий застыдился. И правда — ни разу. Воду берёт как должное, а тому, кто эту воду хранит, — ни спасибо, ни пирожка.

Сел он на лавку у колодца, свесил ноги и сказал в темноту:

— Эй, хозяин колодезный. Прости меня. Не знал я про тебя. Что ты любишь?

Из глубины донёсся тихий всплеск. А потом — голос. Глухой, как вода в бочке, но добрый:

— Горох люблю... Мочёный. И чтобы тишина была. И чтобы не бросали в меня вёдрами. Больно ведь.

— Обещаю, — сказал Григорий. — И горох принесу. И краюху с мёдом. И ведро буду опускать медленно.

Из колодца выдохнуло влажной прохладой, и ведро, которое Григорий опустил в третий раз, набралось до краёв — даже с горкой. После вылез водяной, показался на минутку, улыбнулся и ушел на дно.



С того дня у Григория появился новый ритуал. Каждую пятницу он приносил к колодцу горсть мочёного гороха, краюху свежего хлеба, намазанную мёдом, и всё это осторожно опускал в ведре на полпути — сам водяной забирал, когда никто не видел.

А по утрам, набирая воду, Григорий всегда говорил:

— Здравствуй, хозяин. Спасибо за воду.

И вода в колодце сделалась не просто чистой — а сладковатой на вкус, будто из родника. И даже в самую жаркую засуху, когда у соседей колодцы пересыхали, у Григория было полно воды.

Соседки шептались:

— Колдует Григорий, точно колдует.

А Григорий усмехался в усы:

— Нет, — говорил. — Просто вежливость. Вода вежливость любит.

А как-то ночью ему приснился водяной. Маленький, весь из зелёной тины, с глазами-каплями. Поклонился и сказал:

— Спасибо тебе, Григорий. Ты один про меня вспомнил. А я тебе секрет открою: у твоей старой яблони, под корнями, ключ есть. Если раскопаешь — второй источник будет. Для полива.

Григорий проснулся, пошёл к яблоне, разгрёб землю — и правда, забила из-под корней тонкая струйка. Чистая, холодная.

Так у него появился второй источник. Для питья. А старый так и остался для скотины и полива. И каждое утро Григорий здоровается с водяным и кладёт гостинец.

И водяной больше не обижается.

Хозяин двора

После того как Григорий подружился с водяным, в доме и вокруг него стало так хорошо, что хоть городским туристам экскурсии води. Пирожки на столе, мёд в кадке, вода в колодце сладкая, в бане жарко, в погребе порядок, а в старой роще даже крапива росла шелковистая — леший постарался.

Но оставалось одно место, которое Григорий никак не мог привести в порядок.
Двор.



Не огород и не дом, а пространство между ними: сарай, навес, поленница, старый вольтер для кур и будка, в которой давно никто не жил. Там вечно валялись грабли, перевёрнутое корыто, ржавая лейка и какие-то верёвки, которые «вдруг пригодятся». Григорий всё руки не доходили навести порядок.

А по ночам во дворе кто-то ворчал.

— Кто там? — спросил однажды Григорий у Кузмы.

Домовой скосил глаза в сторону двери и тихо сказал:

— Дворовой. Он за порядком во дворе следит. Вернее, следил бы, если б порядок был. А у тебя — бардак. Он уже неделю как переехал жить под старое корыто, потому что больше некуда. И очень сердит.

— Дворовой? — удивился Григорий. — А чем он отличается от тебя?

— Я — домовый, — гордо сказал Кузьма. — Я в доме хозяин. А он — во дворе. Мы братья, но каждый своё место знает. Только он теперь места своего не видит — всё завалено хламом.

Григорий вздохнул. Правда, бардак. Он вышел во двор, обвёл глазами горы полезного хлама и сказал в пустоту:

— Дворовой, выходи. Поговорим.

Из-под корыта показалась сначала лапа — корявая, в перьях и соломе. Потом нос — крючком, как у старого филина. Потом глаза — жёлтые, недовольные.

— Чего тебе? — прокрипел Дворовой. — Порядок наводить будешь или так и будешь грабли на грабли кидать?

— Буду, — сказал Григорий. — Только скажи, как тебе угодить.

Дворовой вылез из-под корыта, отряхнулся. Ростом он был небольшого, но важный, солидный. На шее — обрывок веревки вместо галстука.

— Первое, — начал он, загибая пальцы. — Убрать весь хлам. Грабли повесить на стенку. Лейку — в сарай. Корыто выбросить, оно дырявое. Возле крыльца прибраться, траву сухую сжечь.

— Понял, — кивнул Григорий.

— Второе. Починить будку. Я там хочу жить, а не под корытом. В будке должно быть сено и старая тряпка — мягкая.

— Сделаю.

— Третье. Каждое утро — горсть зерна у порога. И чтобы ни одна курица туда не лезла. Это моё.

— А четвёртое? — спросил Григорий.

Дворовой подумал.

— Четвёртое — не кричать во дворе с утра пораньше. Я сплю чутко.

И сел наблюдать деловито за работой.



Григорий взялся за дело. Три дня он разбирал двор. Грабли повесил на гвоздики. Лейку отнёс в сарай. Корыто распилил на дрова — оно и правда дырявое было. Поленицу сложил ровными рядами, чтобы каждое полено лежало как солдатик.

Потом починил будку. Сколотил новые доски, постелил внутрь душистого сена, положил старый бабушкин половичок (Кузьма разрешил, шепнул, что Дворовому такой подарок будет в радость). И каждое утро стал сыпать горсть зерна у порога — пшеницу, овёс, чуть подсолнечных семечек для радости.

На четвёртое утро Григорий вышел во двор и ахнул.

Грабли висели не просто на гвоздиках — а в алфавитном порядке по размеру. Лейка блестящая, будто её начистили. Поленица стояла такой ровной, что хоть линейкой мерь. А в будке, на пороге, лежал гостинец — три пёрышка сороки, гладкий камушек и записка из берёсты с одним словом: «Ладно».

Григорий усмехнулся и повесил пёрышки над дверью в сарай — рядом с рябиновыми бусами Подпольника.

С той поры во дворе у Григория всегда порядок. Дворовой по ночам проверяет, не забралась ли лиса в курятник, не рассыпалось ли зерно, не сломалась ли калитка. А если Григорий случайно оставит лопату не на месте, к утру она всегда оказывается прислонённой к стене — ручкой вверх.

— Спасибо, хозяин, — говорит Григорий, выходя на крыльцо.

Из будки доносится сонное бормотание. Это значит: «Пожалуйста. И не кричи с утра».

Шишок и пустая корзинка

После того как Григорий наладил жизнь в доме, во дворе, в бане, в погребе и даже в колодце, одна беда оставалась — лес. Вернее, не сам лес, а лесные дары. Григорий ходил за грибами каждую осень, ходил за ягодами каждое лето — и каждый раз возвращался с пустой корзинкой.



Ну, почти пустой. Два-три сыроежки, горстка кислой земляники на самом дне, да и всё. А соседи уходили в тот же лес с полными вёдрами: и боровики, и подосиновики, и черника, и голубика, и ежевика, и иван-чай — хоть косой коси.

— Что за напасть? — вздыхал Григорий, бросая пустую корзинку в сени.

Кузьма, сидевший на печи, только усмехался в усы.

— Ты забыл, — сказал он наконец, — что не только у нас в доме и во дворе хозяева есть. Есть ещё тот, кто в поле, в овраге и в роще живёт. Меж грибом и ягодой. И если он на тебя сердит — не видать тебе ни боровика, ни голубики.

— Кто такой? — нахмурился Григорий.

— Шишок, — прошептал Кузьма. — Лесной сторож. Не леший, нет. Леший за деревьями смотрит и за зверьём. А Шишок — за тем, что на земле растёт: грибы, ягоды, травы целебные. Он знает, где самый лучший иван-чай, где кипрей, где земляника слаще мёда. И он не любит, когда приходят с пустыми руками и злым сердцем.

— А я с добрым прихожу! — возразил Григорий.

— С добрым, да без уважения, — сказал Кузьма. — Ты хоть раз ему гостинец оставил? Яйцо там, всмятку сваренное? Он это обожает. Шишок яйца любит — горячие, жидкие, чтобы желток тёк.

Григорий задумался. Действительно, ни разу.



На следующее утро он сварил два яйца всмятку, положил их в карман, прихватил корзинку и пошёл к оврагу, где, по словам Кузьмы, Шишок чаще всего ночевал — под старым пнём, поросшим мхом.

Овраг был глубокий, тенистый. На дне его журчал ручей, а по склонам росла такая густая ежевика, что Григорий в прошлом году только руки поцарапал — ни одной ягоды не нашёл.

Он спустился на дно, огляделся и сказал громко:

— Шишок, хозяин здешний, выходи. Я с добром.

Ни звука. Только ручей журчит, да птица где-то в роще аукнулась.

Григорий достал из кармана одно яйцо, положил его на мох у пня. Второе оставил в кармане — про запас.

— Это тебе, — сказал он. — Всмятку, как ты любишь.

И сел на пенёк ждать.

Минуту ждал, вторую. Потом из-под пня показался нос. Круглый, блестящий, как ягодка. Потом глаза — чёрные, быстрые. Потом весь Шишок вылез: маленький, коренастый, лохматый с головы до ног.

Он подошёл к яйцу, понюхал, постучал пальцем — яйцо было ещё тёплое. Потом ловко разбил скорлупу о камень и выхлебнул жидкий желток одним глотком. Глаза его заблестели.

— Ай да молодец, — прошамкал Шишок. — А я думал, ты забыл про меня. Третий год ходишь, ни разу яйца не принёс. Вот я и прятал от тебя всё. Грибы — в другую сторону прятал, ягоды — под листья. А землянику сам съедал.

— Так это ты? — изумился Григорий. — А я на погоду думал!

— Какая погода, — фыркнул Шишок. — Погода хорошая. Это ты не умел договариваться.

Он вытер рот рукавом, посмотрел на Григория внимательно.

— Ну, ладно. Раз принёс угощение, и я тебе помогу. Иди вон туда, — он махнул рукой в сторону рощи за оврагом. — Там под тремя соснами — маслята, полная полянка. А за ними, в логу, голубика. Ещё неделю будет — потом уйдёт. Иван-чай — на том склоне, где солнце с утра. Только не вырывай с корнем, срезай ножницами.

— А ежевика? — спросил Григорий.

— Ежевика — моя, — строго сказал Шишок. — Но раз ты принёс яйцо, могу поделиться. Иди вниз по оврагу, там кусты, что ниже всех. На них уже поспела. И не топчи!

Григорий поклонился и пошёл. И правда: под тремя соснами — маслята, как на подбор. В логу — голубика, синяя, сладкая. На склоне — иван-чай, высокий, цветущий. А внизу по оврагу — ежевика, крупная, чёрная, так и просится в рот.

Корзинка наполнилась быстро. Потом вторая. Потом Григорий побежал домой за ведром.

С того дня у Григория с Шишком завелась дружба. Каждый раз, собираясь в лес, Григорий варил яйцо всмятку, заворачивал в тряпицу и клал у старого пня в овраге. А Шишок, если был в духе, оставлял на том же пне знак: три ягоды земляники на березовом листе — иди туда, мол, там урожай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.